

С. Н. БАБУРИН

**Зиновьев
сегодня**

Когда мы вспоминаем Александра Александровича Зиновьева, я не могу не упомянуть о своем

первом посещении мюнхенской «обители» Зиновьевых и разговоре, который был еще на немецкой земле, о том, почему погиб Советский Союз, что произошло в обществе, что происходит и что грядет.

Среди тех материалов, которые представлены сегодня участникам заседания, имеют-

ся очень содержательные философские, социологические тексты. Но я хочу привести только цитату из

присутствующего здесь академика Гусейнова, напомнившего, что жить — это значит понимать. Если говорить о А. А. Зиновьеве, то во второй половине XX века он жил в то время, когда миллионы людей в нашей стране благополучно существовали — беззаботно, безмятежно, уверенно в завтрашнем дне,

не задумываясь, почему, что, как происходит. Кто-то в тот момент, забыв Бога, так и не осознал, что такое жизнь без Бога. В результате среди многих не было ни искренних атеистов, ни искренних верующих.

Общество превратилось в очень непростой конгломерат существ. На рубеже XX — XXI века А. А. Зиновьев одним из первых, если не первым, сказал, что мы потеряли народ, мы имеем сегодня население, потому что миллионы людей обречены выживать. Они должны заботиться конкретно о себе и о своих детях, о своей семье, потому что их поставили в такие социальные условия, когда не выплачивается заработная плата, когда люди не обеспечиваются работой. Поэтому многие миллионы людей сегодня не думают о происходящих процессах, погружаясь в ту будничную сумятицу, которая называется «бологом».

Александр Александрович принадлежал к тому великому племени, которые даже в относительно спокойные времена всегда понимали глубинные процессы, происходящие в обществе. Если прибегать к аналогиям, то он мне всегда напоминал Лаокоона, того жреца, который, предостерегая, говорил, что может произойти, если мы не задумаемся о действиях сегодняшних, и к которому не прислушивались. Именно за то, что Зиновьев говорил о делах, которые не были понятны и требовали усилия мысли, он в свое время, очевидно, и оказался за пределами того советского истеблишмента, которое принимало решения о науке, об экономике, обо всех сферах нашей жизни. Он оказался в Германии.

Совершенно верно Юрий Юрьевич Болдырев сейчас подметил, что Зиновьев был желанным гостем на Западе до тех пор, пока анализировал советские процессы. А как только он с присущим ему мастерством стал говорить о процессах, происходящих в западном обществе, он тут же стал неприемлем для тогдашнего тамошнего научного, политического истеблишмента. В этом отношении его возвращение в Россию было закономерным, потому что Россия пробуждалась

через шок, через такой чудовищный кризис, который соизмерим только с событиями начала XX века, с гражданской войной, процессами, которые происходили в исторической России в 20-е годы. И в 20-е годы, и в 90-е годы происходило историческое уничтожение русской цивилизации, деление единой нации, которую создавали многие этносы, многие народы, на несколько частей и несколько государств. Происходила попытка подмены фундаментальных ценностей, которые эта цивилизация создавала на протяжении тысячелетий, ценностями, привнесенными извне.

В чем беда? И на эту тему Александр Александрович Зиновьев писал в своих работах. В чем беда той системы советского социализма, которая была создана? Прежде всего, конечно, в отвлеченности, в отрыве социальной идеологии от национальных корней, от исторических корней общества. Если мы говорим сегодня о триумфе многих движений за социальную справедливость, за национальное освобождение и в Латинской Америке, и в других странах, то успех этого процесса объясняется, прежде всего, тем, что участники таких перемен не повторили нашей российской, или русской, ошибки. Они не забыли фундаментальных истоков и смогли соединить воедино национальную идеологию и борьбу за социальный прогресс, за социальную справедливость.

Возьмите Кубинскую революцию, где мы сегодня говорим о соединении социалистической идеологии и идеологии Хосе Марти. Я уже не говорю о том, что никто из нас с вами, бывая на Кубе, не видит и никогда не видел в минувшие десятилетия на каждом углу портрета Фиделя Кастро. Нет культа руководителя — есть культ идеи. Поэтому там изображения только Че Гевара, изображения Хосе Марти.

В этом отношении нам сегодня тоже необходимо осознать, почему стал возможен 1991 и 1993 год и что необходимо сделать, чтобы мы смогли, возрождая историческую Россию, не повторить ошибочных схем в конструировании фундамента. Было смеш-

но и грустно, когда в конце прошлого века на заседании Центральной избирательной комиссии Александра Александровича Зиновьева снимали из нашего партийного списка, Российского общенародного союза. Я смотрел на государственных чиновников и думал: а они понимают, что делают? Я не говорю сейчас о юридической стороне, о нелепице, об абсурдном предлоге, что, дескать, Зиновьев должен был за те годы, когда жил в Германии, представить справку о налогах в Центральную избирательную комиссию. Впоследствии они сами сказали: да, это было такое стечение обстоятельств. После можно признавать, что они ошиблись.

Я имею в виду другое. Насколько несоизмеримы были потенциалы этих людей. В этом отношении мы все благодаря Александру Александровичу восприняли как некую историческую иронию, что сегодняшние государственные структуры так же испугались Зиновьева, как испугались в свое время советские государственные структуры. Испугались очень серьезно.

Когда мы говорим о сегодняшней социальной среде, то воистину критический пафос идеологии Зиновьева — это просто констатация реального факта. Ибо сегодня как никогда важен тот дух неконформизма, которым пропитаны все его работы. Зиновьев к любой проблеме подходил со стремлением ее понять, не оглядываясь на навязываемые оценки. Слева, справа — откуда бы то ни было. Важно понять реальность проблемы, важно понять реальность процессов, происходящих в обществе.

Конечно, когда он выступал по злободневным вопросам, это были всегда точные аналитические выкладки, которые позволяли нам за сиюминутной политикой видеть основное звено. В том числе, если говорить о политических процессах. Это, прежде всего, процесс собирания страны, собирания единого народа и через союзную Российско-Белорусскую интеграцию укрепление шанса возродить историческую Россию. Ведь мы все прекрасно понимаем, что Российская Федерация, являющаяся сегодня государст-

вом, — это самый большой осколок исторической России. Замыкаться только в этих рамках — значит выполнить директивы тех, кто разрушал Советский Союз в 1991 году.

Говорить о том, зачем нам Белоруссия, зачем Украина, Казахстан, сколько мы за это будем платить — означает ничего не понимать в жизни, или, просто подменяя понятия, делать все для того, чтобы не допустить возрождения единого общества, единой цивилизации. Когда в течение последних лет процессы интеграции не просто расслоились, а стали тормозиться, для А. А. Зиновьева это было личной бедой. Он искренне переживал по поводу того, что не происходит понимания между российским и белорусским президентом. Что создание союзного государства, будучи провозглашенным еще в 1999 году как цель, так и не стало реальностью.

Нам говорят, что надо договориться о едином рубле, а только после этого идти к союзному государству. Я могу подтвердить, что впервые об этом договорились еще в 1997 году. Потом ежегодно договаривались. Чем больше проходит времени, тем больше интервалы между очередными договоренностями. И, на самом деле, мы, Россия и Белоруссия, сегодня дальше друг от друга, чем это было 10 лет тому назад. Когда поздравляли с 10-летием начала объединения России и Белоруссии в 2006 году, то лично для меня это было оскорблением. Я сказал тогда: «а как вы будете поздравлять с 50-летием? Вы представляете, о чем говорите?» От падения Берлинской стены до объединения Германии прошел год, а мы хотим, чтобы у нас был некий длительный процесс.

Я считаю, что в этом отношении во многих властных структурах отсутствует главное — жизнь как понимание того, что происходит. Отсутствует, может быть, стремление признать наличие самой русской цивилизации. У меня три дня назад был руководитель болгарской партии «Новая Зара». Это партнер «Народного союза», который максимально участвует в том, чтобы Болгария смотрела не только на Запад, но и в сторону России, что-

бы сберегали отношения с ней. Он с душевной болью рассказал, как четыре года назад его пригласили в советское посольство, и молоденький пресс-атташе сказал: «Я знаю, Вы один из известных литераторов, старый друг нашей страны, я хотел с Вами поближе познакомиться. Вы возглавляете движение против вступления Болгарии в НАТО, движение за то, чтобы Болгария была вне любых военных структур». И когда Минчо Минчев стал рассказывать, почему это движение крепнет в Болгарии, почему они выступают за то, чтобы НАТО как военная организация, направленная против России, против мира в Европе, не расширялась на Восток, российский дипломат просто его оборвал и сказал: «Вы человек из прошлого, вы не понимаете, что НАТО не опасно, оно не направлено против России, что Россия и НАТО сообща отвечают за порядок в Европе». Я еще раз подчеркиваю: официальное российское лицо!

Хорошо, что Минчо Минчев уже видел многих наших дипломатов со времен Козырева. Он его послушал и сказал: «Вы знаете, сегодня для меня трагический день, я не хочу с Вами больше разговаривать». Встал и, не прощаясь, ушел из российского посольства.

Вот такие Ивановы-Родства-Не-Помнящие, как тот российский пресс-атташе, всегда боялись Зиновьевых, боялись людей, которые говорят: посмотрите, что на самом деле происходит. Сегодня, как никогда, важно понять, что западнизм перешел в решительную атаку против русской цивилизации. Только социальная солидарность общества при понимании необходимости возвращения к нашим фундаментальным традициям, отказа от навязанной с 1993 года конституционной схемы, от окончательно себя дискредитиро-

вавшей избирательной системы. Ведь уже сегодня только человек, не задумывающийся ни о чем, верит в итоги выборов. Потому что основная масса людей, зная, что они уже давно не ходят на голосование, и видя при этом, что по их району явка 60%, задумываются: что будет, что идет на смену сегодняшним формам?

Ведь то же самое происходило перед февралем 1917 года. Почему мы и говорим от имени «Народного союза» сегодняшнему руководству: «вы можете поделить следующую Государственную Думу между Единой Россией и Справедливой Россией, вы можете уничтожить все другие партии. Это все в ваших силах. Но на выборы придет 5% населения. И то только те, кто работает в вашем аппарате. Неужели вы думаете, что остальные 95% вечно будут молчать?» Не будут молчать. Поводом может быть малейший экономический «шип» в мировых экономических процессах. Вот это все может обречь на хаос сегодня слепленную, унаследованную от ельцинского режима нашу «демократическую» систему.

В этом отношении А. А. Зиновьев оставил после себя столь фундаментальное научное наследие, что оно продолжает оставаться камертоном в оценке социальных и социально-политических процессов России и мира XXI века. Именно поэтому я считаю актуальным, важным и социально значимым рождение Зиновьевских чтений. И хочу за это еще раз поблагодарить Московский гуманитарный университет, руководство университета, и сказать: я надеюсь, придет время, когда Зиновьевские чтения будут транслироваться на страну вместо Евровидения, потому что народ надо не умерщвлять, а пробуждать в нем надежду.